

РЕЦЕНЗИИ. ОБЗОРЫ. ФРАГМЕНТЫ

А.Б. ИЗЮМСКИЙ,

к. и. н., доц. кафедры общественных дисциплин
e-mail:lehrer@inbox.ru

И.П. ГАЛИЙ,

к. и. н., методист кафедры общественных дисциплин
e-mail:irina.clio@yandex.ru

DOI 10.20339/AM.09-16.097

Ростовский институт повышения квалификации
и профессиональной переподготовки работников образования

ПЛЮСЫ И МИНУСЫ «ЕДИНОГО УЧЕБНИКА» ПО ИСТОРИИ

Анализируется проблема создания «Единого учебника» по отечественной истории для профильной школьной образовательной программы. Идея такового была предложена в декабре 201 г. президентом России, что выразилось в разработке отечественными историками концепции «единого учебника». К настоящему времени российским историческим обществом одобрены три линейки учебников по профильной школьной дисциплине, которые должны появиться в школах через два-три года. Авторами статьи представлен подробный анализ новых школьных учебников по отечественной истории, вышедших, в частности, в издательствах «Просвещение», «Дрофа» и «Русское слово». Новые учебники рассматриваются со стороны их фактической достоверности и методической состоятельности. При этом подробно анализируются как положительные, так и негативные стороны указанной литературы.

Ключевые слова: единый учебник истории, учебно-методический комплекс, историко-культурный стандарт, фактическая достоверность, «трудные вопросы».

ADVANTAGES AND SHORTCOMINGS OF HISTORY "SINGLE TEXT-BOOK"

A.B. Izyumsky is PhD (History), doc.; and **I.P. Galiy** is PhD (History), methodist of sub-faculty at Rostov Institute for Improvement Qualification and Professional Further Training of Personnel of Education

Analyzed is the problem of creation of "Single text-book" on national history for profile educational program for schools. The idea of such was pronounced in December of 2013 by the president of Russia, coming into being in working by national historians conception of "Single text-book". Nowadays by Russian historical community approved are three lines of text-books on profile school discipline, which might to appear at schools in two or three years. The authors are presenting detailed analysis of new school text-books on national history, produced by publishing houses "Prosvetshtschenie", "Drofa" and "Russkoe slovo". New text-books are analyzed as to their fact authenticity and methodology justifiability. In detail analyzed are both positive and negative sides of such literature.

Key words: single text-book on history, educational methodical complex, historical cultural standard, fact authenticity, "difficult problems".

Итак, социалистическая революция, о необходимости которой так долго говорили большевики, сверши... Тыфты, мы, кажется, зачитались историческими текстами.

Тем не менее, можем констатировать: единый учебник истории, о необходимости которого так долго говорили в высших сферах, вышел в свет. Впрочем, не совсем учебник и не совсем единый. Новый курс представляет собой три линии учебников по истории России, выпущенные издательствами «Просвещение», «Дрофа» и «Русское слово».

Согласно нормативной базе, проблему выбора конкретной линии учебно-методических комплексов вправе самостоятельно определять образовательные организации. Впрочем, по предварительной информации, большинство школ, как и прежде, по ряду причин предпочитают линии издательства «Просвещение».

Все учебники отмечены грифами Минобрнауки РФ, а многие также рекомендациями всевозможных инстанций. На титульном листе учебников «Просвещения» указано, что они одобрены экспертами Российского исторического общества, Российской Академии образования и Российского книжного союза. Учебники «Дрофы» имеют рекомендацию РИО. Только учебники издательства «Русское слово» не содержат ссылок на какие-либо организации и учреждения, кроме Минобрнауки, но в информации на сайте издательства отмечается успешное прохождение научной историко-культурной экспертизы РИО, педагогической экспертизы РАН и общественной экспертизы Русской школьной библиотечной ассоциации.

Учебник, как известно, играет решающую роль в образовательном процессе, на что указывал еще К.Д. Ушинский. И сегодня всё сказанное великим педагогом, к сожалению, не менее актуально, чем в позапрошлом веке.

«При хорошем учебнике и благоразумной методе и посредственный преподаватель может быть хорошим, а без того и другого и лучший преподаватель с такими редкими способностями и таким рвением к делу, которые трудно предположить в человеке, ограничившемся скромною учительскою карьерою и скудным учительским жалованьем долго, а может быть и никогда, не выйдет на настоящую работу» (К.Д. Ушинский).

Что же мы можем сказать о новых учебниках? Авторами статьи проделана немалая работа, которая в ряде случаев выявила серьезные промахи в этих учебниках – фактические ошибки, низкий уровень экспертизы, редакторскую невнимательность, субъективность определенных оценок, а иногда, как нам представляется, сознательное искажение исторического материала.

Постараемся рассмотреть эти вопросы, не затрагивая в настоящей статье электронные формы данных учебников.

Учебники для 6 класса

Начнем рассмотрение учебного материала с курса 6-го класса. Учебник издательства «Просвещение»¹ дат в начале довольно подробный обзор доисторического и раннеисторического прошлого территории РФ. Это можно только одобрить, хотя прямого отношения к Российскому государству соответствующие сведения не имеют.

А следом встречаешь грубые ляпы. Так, в параграфе «Образование первых государств» появляется категоричное утверждение: «Одним из самых древних городов не только России, но и мира является Дербент. Первое упоминание о нём относится к VI в. до н.э.»

Современный Дербент ведет свое начало от крепости, построенной персами в 438 г. н.э. Но даже если начинать его историю от первого упоминания Гекатеом Милетским (укрепления в районе Кавказских Ворот в VI в. до н.э.), называть этот город (действительно, самый старый на территории России в международно признанных границах) одним из древнейших городов мира было бы глубоко ошибочно. Значительно древнее были города Эллады и Рима, а о городах Египта, Финикии, Палестины, Хеттского царства и Междуречья нечего и говорить (один только Иерихон на 7,5 тыс. лет старше Дербента).

Вызывают недоумение и некоторые высказывания авторов учебника в параграфе «Первые известия о Руси». Образование Древнерусского государства и роль варягов в этом процессе отнесены Историко-культурным стандартом к числу трудных вопросов, на которые следует обратить особое внимание как учебникам, так и преподавателям истории. Учебник Арсентьева и др. начинает рассказ о Руси с изложения известной норманнской теории, делая оговорку о «версии ряда историков». Но затем появляется раздел «Споры норманистов с антинорманистами».

В этом разделе авторы не высказывают свое мнение, но допускают весьма сомнительное утверждение: «Дело в том, что археологические раскопки не всегда могут

дать точный ответ, каким народом оставлены те или иные следы. Помимо жителей Скандинавии, морскими походами, войной и торговлей занимались тогда и другие племена, обитавшие по берегам морей. Многие такие народы вели сходный образ жизни, использовали похожее оружие, предметы быта» (Ч. 1. С. 38). На самом деле современная археология вполне в состоянии различить оружие, предметы быта и прочие памятники материальной культуры, принадлежащие норманнам, славянам, балтам или угро-финнам. Никаких серьезных споров по этим вопросам в среде археологов не возникает.

Ещё большее недоумение вызывает содержащийся в параграфе «Общественный строй и церковная организация на Руси» рассказ о дочери Ярослава Мудрого: «В отличие от мужа-короля она умела читать и писать, играла на музыкальных инструментах. Приехав во Францию, Анна была поражена убожеством Парижа по сравнению с блистательной столицей Руси. Она писала отцу: “В какую варварскую страну ты меня послал: здесь жилища мрачны, церкви безобразны и нравы ужасны”. Ей удалось во многом преобразовать французский королевский двор» (Ч. 1. С. 79).

К сожалению, ни в этом параграфе, ни в другом месте авторы не объясняют, в чем конкретно выражалась «блистательность» Киева первой половины XI столетия и как именно «преобразила» Анна Ярославна французский королевский двор. Историческая наука ни о чем подобном не знает, как и об умении королевы играть на музыкальных инструментах. Что же касается «письма» Анны, то оно взято из книги М. Дрюона «Париж от Цезаря до Людовика Святого» и представляет собой художественный вымысел. Использовать такие тексты в учебнике под видом документальных материалов – совершенно недопустимый методический прием.

В данном случае искажение истории продиктовано, вероятно, стремлением авторов усилить патриотическую составляющую учебника. К сожалению, этим приемом они злоупотребляют в дальнейшем неоднократно.

Так, в параграфе «Общественный строй и церковная организация на Руси» следующим образом рассказывается о народных ополчениях: «В этих походах воины были объединены общей целью, чувствовали свое родство друг с другом и с гордостью заявляли: “Мы от рода русского”» (Ч. 1. С. 70). Что касается общей цели, то она объединяет всех воинов на всех войнах. Что же касается процитированного «заявления», то это опять же выдумка авторов. Приведенное выражение не имеет никакого отношения к народному ополчению и взято из договора Руси с Византией 911 г., где оно связывалось с воинами отнюдь не славянского происхождения («Мы от рода русаго – Карлы, Инегельдъ, Фарлофъ, Веремудъ, Рулавъ, Гуды, Руалдъ, Карнъ, Фрелавъ, Рюаръ, Актеву, Труанъ, Лидуль, Фостъ, Стемиръ, иже посланы от Олга, великого князя русаго»). Кстати, это место всегда истолковывалось учеными-норманистами как одно из доказательств скандинавского происхождения слов «Русь» и «русский».

¹ Арсентьев Н.М., Данилов А.А., Стефанович П.С., Токарев А.Я. История России. 6 класс. Ч. 1–2. Под ред. А.В. Торкунова. – М.: Просвещение, 2016.

Arsentiev, N.M., Danilov, A.A., Stefanovich, P.S., Tokarev A.Ya.. History of Russia. 6th class. P. 1–2. (ed. A.V. Torkunov). Moscow: Prosveschtschenie, 2016.

Ещё более абсурдно (да и бессмысленно) выглядит попытка преувеличения в разделе «Место и роль Руси в Европе» участия русских в общеевропейских событиях: «Русские дружинники участвовали в войнах Византии. Они не только защищали ее пределы, но и принимали участие в походах в Южную Италию и Сицилию. Во времена Первого и Второго крестового походов русские сражались бок о бок с византийцами на Востоке» (Ч. 1. С. 78).

Русские дружинники действительно занимались византийскими императорами на службу, но участвовать в походах на Сицилию и Южную Италию они не могли. В VI в., когда происходили эти походы, славяне только начинали делиться на южных, западных и восточных, а слово «Русь» еще не было известно. Может быть, авторы имеют в виду поход в Апулию императора Никифора Фоки (X в.)? Но об участии в нем русских дружин нет никаких свидетельств. Так же не подтверждено источниками утверждение, что русские сражались в двух первых крестовых походах.

Некоторые высказывания учебника просто поражают бессмысленностью содержания. В параграфе «Культурное пространство Европы и культура Руси», например, читаешь: «Главным мотивом русского искусства был патриотизм, призыв к объединению против иноземных врагов» (Ч. 1. С. 85). В чем же конкретно проявлялись патриотизм и призыв к объединению против врагов? В храмовой архитектуре, церковном пении, колокольном звоне, фресках, иконописи (на былинны ссылаться не надо – они относятся к более поздней эпохе)? А если этот вопрос задаст какой-то продвинутый ученик, что сможет ответить ему учитель...

Непонятно из каких соображений, авторы учебника решили польстить не только русским, но и монголам. В параграфе «Монгольская империя и изменение политической карты мира» читаем: «Благодаря монголам жители Европы познакомились со многими изобретениями и достижениями китайцев. Ввоз шелка способствовал зарождению его производства в Италии. Трудно переоценить значение изобретенных китайцами компаса, пороха, а также идеи книгопечатания, позже заимствованных европейцами» (Ч. 2. С. 9).

Из всего перечисленного через монголов Европа могла познакомиться только с порохом (и то предположительно). Производство шелка в Византии и затем в южной Италии началось задолго до монгольского нашествия, особенно распространившись после крестовых походов. Компас, как предполагает большинство ученых, был также известен раньше, а его усовершенствование в XIV в. итальянцем Флавио Джойо ни с монголами, ни с Китаем не связано. Точно так же никак не способствовали монголы распространению «идеи книгопечатания». Почему бы не допустить, что Лоренц Костер, Иоганн Гутенберг и другие европейцы могли прийти до этой идеи самостоятельно?

В отношении авторов к Европе вообще ощущается немалая предвзятость. Особенно это относится к параграфу «Северо-Западная Русь между Востоком и

Западом», в котором можно встретить непроверенные, сомнительные и просто недостоверные утверждения. Например, как сообщает этот параграф, «в 1187 г. новгородская рать напала на крупнейший город Швеции Сигтуну (позже Стокгольм) и разорила его» (Ч. 2. С. 19). Но новгородские летописи об этом походе ничего не сообщают, а шведские хроники обвиняют в набегах карелов (правда, подданных Великого Новгорода).

Весьма тенденциозно представлена и история Невской битвы: «Получив известие о нашествии монголов на Русь, шведы решили воспользоваться ситуацией и захватить новгородские владения. Для похода были собраны значительные силы. Во главе таковых, считают некоторые историки, встал зять короля Биргер – фактический правитель Швеции. Поход на Русь поддержала Католическая церковь, которая стремилась обратить русских в католическую веру» (Ч. 2. С. 20).

Откуда авторам известно, что шведы «решили воспользоваться ситуацией» после монгольского нашествия – ведь Новгородская земля практически не пострадала от него? Почему они называют шурина короля Биргера фактическим правителем Швеции – ведь тот стал таковым только в 1248 г., а в 1240 г. правителем был ярл Ульф Фасси? Наконец, откуда сведения о католической церкви и ее стремлении обратить русских в католичество?

Авторы вскоре повторяют последнее утверждение: «В 1237 г. папа римский Григорий IX повелел шведам совершить крестовый поход против русских и финнов. Исполняя папский указ, в июле 1240 г. в устье Невы вошли шведские суда» (Ч. 2. С. 21). Всё это иначе как выдумкой не назовешь.

Никакие папские указы не призывали к крестовому походу на русских или другие христианские народы (хотя, если такие походы, наподобие 4-го крестового, происходили, папский престол не пытался им помешать, ограничиваясь словесным осуждением). И вообще Невская битва никак на крестовый поход не тянула: участвовали в ней, судя по новгородским данным (шведские вообще отсутствуют), максимум сотни людей, т.е. она представляла собой, скорее всего, один из многочисленных пограничных конфликтов. В истории отношений русских княжеств с соседями было много гораздо более масштабных войн, но в силу какой-то непонятной традиции учебник (как и многие книги по истории) о таковых умалчивает, хотя подробно описывает малозначимые столкновения.

Нельзя не признать, что в разделах, посвященных тем или иным православным иерархам, светскость учебника заметно снижается, т.к. деятели церкви изображаются исключительно в духе панегирика. Так, о митрополите Петре говорится: «Своей подвижнической деятельностью он завоевал огромный авторитет» (Ч. 2. С. 46). Но в чем состояла эта «подвижническая деятельность» ни ученику, ни учителю понять невозможно. Еще более непонятен рассказ о Сергии Радонежском: «Ему как посланнику Москвы

пришлось пройти пешком тысячи верст (для монаха было невозможно использовать для передвижения лошадей)» (Ч. 2. С. 49). По каким канонам или уставам такое было невозможно? Ведь даже в Византии епископам и настоятелям монастырей отнюдь не возбранялось ездить на колесницах (не говоря уже о Российской империи, где для архиерея считалось просто неприличным впрягать в карету меньше шестерни лошадей). Если же речь идет о каком-то личном обете Сергия, то об этом ничего не сказано. Конечно, учебник должен подталкивать ученика к дополнительным вопросам, но не таким же образом!

Тем более не следует задавать учащимся заведомо неправильных вопросов. Такой, например: «В период борьбы с Василием Тёмным Шемяка ненадолго захватил власть в Москве. Объясните, почему в народной речи после этого возникло выражение «шемякин суд», ставшее синонимом несправедливого суда» (Ч. 2. С. 77–78). В XIX столетии действительно считали, что выражение «Шемякин суд» связано с князем Дмитрием Шемякой, впервые такое предположение высказал Н.М. Карамзин. Но оно давно уже опровергнуто. В настоящее время считается доказанным, что выражение исходит из сатирической «Повести о Шемякином суде», которая появилась только во 2-й пол. XVII в. и не имеет никакого отношения к историческому Шемяке (это имя было достаточно распространенным), умершему в 1453 г. Не может не удивить, как авторы современного учебника сумели сохранить исторические представления времен Карамзина, не подозревая, что они давно уже изменились.

Значительно лучше по полноте и фактической достоверности материала представляется нам учебник издательства «Дрофа»².

В нём немало места занимает дославянская история России, даются полноценные (в масштабах учебника) сведения о различных народах, в т.ч. обо всех древнегреческих городах Северного Причерноморья. Безусловным плюсом следует признать наличие в параграфе «Первые государства на территории Восточной Европы» раздела, посвященного влиянию природных условий и географического положения на общественную жизнь древних славян.

«Трудный вопрос», затрагивающий происхождение первых русских князей, раскрыт в учебнике доступно и без неясных рассуждений. Учебник признает их варягами (на предыдущих страницах так назывались скандинавы) и в то же время упоминает существующую в науке точку зрения, согласно которой основатели Киева Кий, Щек и Хорив имели хазарское происхождение. Вывод авторов таков: «Итак, князья, возглавившие ранние восточнославянские объединения, скорее всего, были иноплеменниками. Однако неверно считать, что славяне *Думается, здесь было бы уместно*

добавить прилагательное “восточные”) не могли самостоятельно создать государство. Просто во главе древнейших государств обычно становились выходцы из других народов» (С. 40).

Хотелось бы также отметить достаточно сдержанный, при всей уважительности, тон авторов учебника в разделах, касающихся исторического места церкви. В отличие от панегирика предыдущего учебника, здесь дается, например, вполне объективная оценка роли митрополита Петра, причем упоминается даже предъявлявшееся ему современниками обвинение в продаже церковных должностей (С. 154).

Столь же объективно, как нам представляется, раскрыт и «трудный вопрос», связанный с Александром Невским. Авторы только одной фразой упомянули Невскую битву, около абзаца уделили Ледовому побоищу, зато в два раза больше места посвятили действительно более масштабной Раковорской битве 1270 г. Правда, вряд ли можно согласиться с выводом, что после этого сражения «крестоносцы уже не пытались распространить на Русь власть католической церкви» (С.140): таких попыток не было и раньше.

Пожалуй, можно даже упрекнуть авторов в некоторой недооценке результатов Ледового побоища: они с полным доверием называют потери по ливонским источникам – 20 убитых рыцарей и 6 пленных. Новгородская летопись приводила гораздо большие цифры: 400 убитых и 50 пленных. По всей вероятности, истина где-то посередине... Достаточно объективно, хотя, может быть, не вполне четко охарактеризована и политическая позиция новгородского князя: «Александр Невский остался верен православию, хотя подчинился ордынцам и был суров к своему народу. Считают *(кто?)*, что его жестокость по отношению к бунтовщикам была единственным способом не допустить карательного похода монголов, сохранить от разорения Новгород и другие города» (С. 149).

В заключение, говоря об учебнике издательства «Дрофа», отметим всё же одну довольно «традиционную» ошибку. В рассказе о походах Святослава мы встречаем утверждение: «На обратном пути в Киев князя подстерегли печенеги. Греки предупредили их о том, что Святослав с богатой добычей и небольшой дружиной возвращается на Русь» (С. 45). Такое допущение часто встречается в исторической литературе, но ничем не обосновывается, т.к. ни один известный источник не подтверждает подобного вероломства греков. Византийские историки вообще не упоминают, чтобы кто-то предупреждал печенегов, а «Повесть временных лет» обвиняла в этом болгар.

Довольно хорошее впечатление в отношении содержания производит и учебник издательства «Русское слово»³. Тем не менее, и к нему есть замечания по ряду мест.

² Андреев И.Л., Фёдоров И.Н.. История России с древнейших времен до XVI века. 6 класс. Учебник. – М.: Дрофа, 2016.

Andreev, I.L., Fedorov, I.N.. History of Russia from ancient times up to 16th century. 6th class. Text-book. Moscow: Drofa, 2016/

³ Пчелов Е.В., Лукин П.В. История России с древнейших времен до начала XVI века. Учебник для 6 класса общеобразовательных организаций. – М.: Русское слово, 2015.

Pchelov, E.V., Lukin, P.V. History of Russia from ancient times up to the beginning of 16th century. Text-book for class 6th of general education schools. Moscow: Russkoe slovo, 2015.

Неясно, например, почему, говоря в самом начале учебника о греческой колонизации, авторы упоминают «города на крымском и кавказском берегах Понта Эвксинского» (С. 13), но ничего не говорят про донской город Танаис – самую северную античную колонию на территории России. Сомнение вызывает и точность при перечислении племен, живших в Восточной Европе. Авторы утверждают, что «чудь, меря, весь, мурома и другие – предки современных карелов, марийцев, мордвы, коми, вепсов» (С. 26). Но большинство ученых склоняется к тому, что меря и мурома были ассимилированы славянами и среди современных российских этносов нет их прямых потомков.

Еще более сомнительно заявление авторов, сделанное в заключении: «Одни народы присоединялись военным путем, другие – мирным. Но самое главное – каждый сохранял свою самобытность, свою культуру, свой язык, свой неповторимый и потому бесценный облик» (С. 220). «Самое главное» – то, что последнее утверждение является просто неправдой: ряд этносов (некоторые финно-угорские народы, народы Крайнего Севера и Дальнего Востока) были полностью ассимилированы, утратив «свой неповторимый и потому бесценный облик». Возможно, не следует об этом сообщать ученикам 6-го класса, но обманывать их тем более недопустимо.

Далеко не всегда в учебнике встречаешь достаточную четкость и точность. Описывая погребальные обычаи славян, авторы, например, заявляют: «Иногда отправлялась на смерть и жена покойного» (С. 30). Сама отправлялась или с чьей-то помощью? Если уж авторы решили об этом писать в учебнике (не уверены, что в этом есть необходимость), то должны выражаться более определенно. На это должны были обратить внимание редакторы.

Явной невнимательностью авторов, как представляется, отмечен абзац, в котором они рассказывают про коронационные регалии Московского государства. «Первое место среди них занимала шапка Мономаха. Ее истинное происхождение к тому времени забылось Люди думали, будто еще в конце XI века ее передал на Русь византийский император Константин Мономах через своего внука Владимира Мономаха» (С. 201–202). Всё правильно, да вот беда: каково «истинное происхождение» шапки Мономаха учебник не сообщает. А ведь учителя и тем более ученики не обязаны знать, что она переделана из золотой тибетейки, подаренной Ивану Калите ханом Узбеком.

В параграфе «Образование государства Русь» авторы успешно справились с первым «трудным вопросом» о варягах. Они признают норманнское происхождение первой княжеской династии, приводят слова из древнескандинавских языков, проникшие в русский язык. И в то же время само возникновение Древнерусского государства трактуют как естественный процесс развития общества, отрицающая возможность «навязывания» государственности славянам некими пришельцами (впрочем, последнего никто из серьезных ученых давно не утверждает).

Зато в параграфе «Православная церковь в Древней Руси» (этот вопрос стандарт не считает «трудным») предмет повествования подается с большой долей идеализации (что, впрочем, давно характерно для учебной

литературы). Но и здесь встречаются невнятные фразы типа: «Время монахи проводили в трудах, молитвах и чтении священных книг. Собственным примером они стремились призвать людей жить в соответствии с христианскими установлениями» (С. 81). Что же это за собственный пример, которому призывали следовать остальных людей: безбрачие, послушание, отказ от личного имущества (для рядовых монахов), посты и многочасовые молитвы? Если речь идет о благотворительности, то ей занимались отдельные подвижники, а отнюдь не все монахи. Позже авторы добавляют: «Русское монашество внесло значительный вклад в развитие духовности русского народа» (С. 208). Что такое «духовность» (вряд ли кто-то из шестиклассников это знает) и в чем выражался «значительный вклад» монашества в его развитие, учебник опять не конкретизирует.

Столь же невнятно рассказывается о порядках Великого Новгорода: «В вече принимали участие полноправные горожане, жители Новгорода, но главную роль в решении важных вопросов играли бояре» (С. 117). А кто считался «полноправным горожанином»? Даже советский школьный учебник четко сообщал: «Вече – общий сход всех самостоятельных хозяев – жителей города. Взрослые сыновья, еще не отделившиеся от отца, не имели голоса на вече»⁴. Почему же об этом умалчивает современное пособие?

Следует обратить внимание и на то, что в этом вопросе учебник входит в серьезное противоречие с учебником издательства «Дрофа», который полностью отрицает народный характер вече: «Могли ли все жители древнего Новгорода собраться на вечевой площади? Конечно, нет. Тут находилось от 300 до 500 человек. Это были представители крупнейших боярских фамилий» (С. 110–111)⁵. Правда, здесь же, вопреки сказанному, упоминается, что «знатные новгородцы сидели на скамьях, а простые люди стояли», т.е. на вече присутствовали и «простые люди». Похоже, здесь противоречия не только между учебниками, но и внутри одного учебника.

Весьма тенденциозно рассказывает учебник издательства «Русское слово» и об отношении Руси с западными соседями, параграф об этом даже назван выразительно «Натиск с Запада». Немцы и датчане только «захватывали» и «проникали» на территории, зависимые от Новгорода, но как они стали зависимыми непонятно. Учебник сообщает: «В Прибалтике образовалось сильное государство – Ливонский орден. Над Новгородом нависла серьезная угроза. Новгородцы утратили свое влияние в Прибалтике, потеряли дани, которые они получали от местных народов (о том, что сначала они сами завоевали и обложили данью эти народы не сказано). Немецкие купцы вытеснили новгородцев с торговых путей на Балтийском море» (С. 143).

Что касается «серьезной угрозы», то непонятно, откуда она могла возникнуть, т.к. сами же авторы ниже со-

⁴ Нечкина М.В., Лейбенгруб П.С. История СССР. Учебное пособие для 7 класса. – М., 1966. – С. 62.

⁵ Нечкина М.В., Лейбенгруб П.С. History of USSR. School book for class 7th. Moscow, 1966, p. 62.

⁶ См. Пчелов Е.В., Лукин П.В.

общают, что «всех рыцарей в Ливонии было в то время около сотни» (С. 146). А по поводу «вытеснения» новгородцев немецкими купцами, надо отметить, что вытеснять было неоткуда: Новгород не имел сильного торгового флота на Балтике (хотя выход к Финскому заливу у него был). Конкуренция конечно существовала, но при этом торговля с соседями была очень обширной и выгодной: с XII в. вплоть до конца Новгородской республики там действовали постоянные торговые центры ганзейских и готландских купцов – Немецкий и Готский дворы.

Добавим, что, говоря о Новгороде, нельзя конечно обойти вопрос об Александре Невском, политика которого относится Историко-культурным стандартом к числу «трудных вопросов». Авторы вышли из положения, признав действия князя по отношению к Золотой Орде (выплату дани) правильными, т.к. он «считал, что враждовать с Ордой опасно» (С. 159), но умолчали о подавлении Невским антиордынского восстания новгородцев.

Учебники для 7 класса

Учебники для 7-го класса всех издательств вызывают меньше замечаний. Тем не менее, и в них встречаются определенные дефекты.

Так, учебник издательства «Просвещение»⁶ в параграфе «Территория, население и хозяйство России в начале XVI в.» перечисляет длинный список товаров (всего 14 наименований), вывозимых из России в Европу (С. 18). Однако два из них едва ли могли быть предметов экспорта: зерно стало таковым несколько позже, а полотно вообще до Петра I в Россию ввозилось из-за рубежа (возможно, авторы спугали его с холстом).

Слишком безапелляционным выглядит и утверждение, сделанное в параграфе «Начало правления Ивана IV»: «Иван был обладателем крупнейшей в Европе библиотеки. В ней хранились редчайшие сочинения античных и византийских авторов» (С. 43). Еще категоричнее утверждает это учебник издательства «Дрофа»⁷, заявляя, что «в существовании уникальной библиотеки мало кто сомневается» (С. 69). Сомневаются как раз немало серьезных ученых. Например, академик Д.С. Лихачёв об этом высказывался так: «Даже если библиотеку Ивана Грозного обнаружат, находка не будет представлять большой научной ценности (в средствах массовой информации ее ценность явно преувеличивается). Значительную часть этого собрания составляли церковные книги, которые Софья Палеолог привезла на Русь из Византии, чтобы молиться на своем родном языке»⁸.

Вызывает вопросы формулировка причин Ливонской войны в учебнике издательства «Просвещение»: «От-

сутствие портов на Балтийском море ограничивало русскую торговлю со странами Европы. Путь через северные моря из-за суровых климатических условий был невыгодным для купцов, хотя русские товары и пользовались большим спросом в Европе» (С. 65). Правильнее сказать, что торговлю ограничивала неразвитость самого русского купечества, не имевшего торгового флота. Что касается «невыгодности» северного пути, то почему-то суровые климатические условия отнюдь не мешали английским и голландским судам на протяжении XVI–XVII вв. регулярно посещать Архангельск.

Схожую ошибку (скорее всего, сознательную) допускает и учебник издательства «Русское слово»⁹, который утверждает, что «задачей, вставшей перед Россией, была борьба за выход к Балтийскому морю. Однако путь к Балтике преграждал Ливонский орден. Иван Грозный задумал сокрушить орден и добиться выхода к морю» (С. 26–29). На самом деле Россия в середине XVI в. имела доступ к Балтийскому морю в районе Финского залива. Она не имела торгового флота и портов (то и другое Иван Грозный рассчитывал захватить в Ливонии). Неверно и другое утверждение: «Теперь на земли Ливонского ордена претендовали сразу три могущественные державы: Речь Посполитая, Швеция и Дания. Так, вместо одного противника перед Россией встали сразу три» (С. 27). В действительности Дания не была врагом России и в войне с ней не участвовала. Скорее, даже наоборот: датские корсары нанимались московским царем на службу. Правильнее было бы сказать: врагов вначале было три (Литва, Польша и Швеция), а после объединения Польши с Литвой стало два.

Несколько ляпов сделал учебник издательства «Просвещение»¹⁰ при изложении одной темы – истории Смутного времени. Сообщая о приглашении боярами на московский престол польского королевича, он заявляет: «Против приглашения на престол Владислава резко выступил патриарх Гермоген» (С. 22). Но патриарх не выступил против объявления Владислава царем, а потребовал в качестве обязательного условия его предварительное крещение в православие (для поляков это условие было неприемлемо). Не соответствует исторической истине и дальнейшее уверение, будто «Сигизмунд потребовал сдачи Смоленска и заявил, что сам хочет занять российский престол» (С. 22–23). Король Сигизмунд не требовал для себя российский престол, хотя в этом его и подозревали (вероятно, обоснованно).

В полном соответствии с казенной версией XIX столетия построен рассказ о подвиге И. Сусанина: «Героический подвиг совершил костромской крестьянин Иван Сусанин. Он завел польский отряд в непроходимые болота. Сам Сусанин погиб, но и поляки не смогли выбраться и выполнить важное задание (чьё?) – погубить вероятного кандидата на российский престол Михаила Романова. Убийство Романова помогло бы сохранить российский трон для польского короля или его сына» (С. 26).

⁶ Арсентьев Н.М., Данилов А.А., Курукин А.А., Токарева А.А. История России. 7 класс. – Ч. 1. – М.: Просвещение, 2016.

⁷ Арсентьев Н.М., Данилов А.А., Курукин А.А., Токарева А.А. History of Russia. Class 7th. P. 1. Moscow: Prosveschtschenie, 2016.

⁸ Андреев И.Л., Фёдоров И.Н., Амосова И.В. История России: XVI – конец XVII в. 7 класс. – М.: Дрофа, 2016.

⁹ Андреев И.Л., Фёдоров И.Н., Амосова И.В. History of Russia: 16th – the end of 17th centuries. Class 7th. – Moscow: Drofa, 2016.

¹⁰ См.: Бацалев В., Варакин А. Тайны археологии. – М., 1999. – С. 345.

See: Batsalev, V., Varakin, A. Mysteries of archeology. Moscow, 1999, p. 345.

⁹ Пчелов Е.В., Лукин П.В. История России: XVI–XVII век. Учебник для 7 класса общеобразовательных организаций. – М.: Русское слово, 2015.

¹⁰ См.: Арсентьев Н.М., Данилов А.А., Курукин А.А., Токарева А.А.

Подвиг Сусанина, как известно, обрастал подробностями с веками. В XVII в. царские грамоты говорили только о том, что сельский староста Сусанин отказался назвать польским и литовским людям местопребывание Михаила Романова и был за это замучен до смерти. В XVIII столетии появилась версия, будто он повел польский отряд не на родовую вотчину Романовых Домнино, а в противоположном направлении – к селу Исупово, где и был посажен на кол поляками, понявшими обман. И, наконец, в XIX в. возник вариант, близкий к современному: Сусанин заводит поляков в болото, где все они и погибают. Авторы учебника из всех вариантов предпочли наиболее поздний и наименее достоверный.

Неверно в учебнике издательства «Просвещение» (к сожалению, не только в нем) даны некоторые детали освобождения Москвы: «22 октября ополченцы заняли Китай-город, а 4 ноября остатки польского гарнизона, засевшие в Кремле, сдались» (С. 25). Обращает на себя внимание то, что первая дата приведена по старому стилю, а вторая по новому. Вероятно, для того, чтобы не называть 26 октября, которое приходится на 5 ноября, а не на 4-е. Этому месту соответствует вопрос ученикам: «Почему 4 ноября стало отмечаться в России как День народного единства?» (С. 28). Нам сложно понять, для чего в официальном постановлении день освобождения Кремля перенесен на один день: ведь в любой серьезной научной работе можно встретить правильную дату. Думается, так следует поступать и в учебнике.

Справедливости ради отметим, что учебники других издательств таких неточностей и ошибок не допускают. Правда, в одном из них (издательство «Дрофа») ¹¹ есть неясное для читателя место: «Чтобы освободить страну и прекратить Смуту, нужна была еще и сила, способная организовать и повести борьбу. Эта сила вскоре нашлась. Ею стала земщина с ее традициями общинного уклада жизни и органами самоуправления». Но что такое «земщина»? Этого слова нет в словаре: оно встречается лишь в параграфе, посвященном опричнине, где трактуется только как название земель, не вошедших в опричнину ¹².

Все учебники для 7-го класса уделили внимание и такому немаловажному вопросу истории России, как присоединение Сибири. И здесь в позициях авторов наметились некоторые несовпадения.

Так, учебник издательства «Дрофа», описав маршруты землепроходцев, заключает: «Были, конечно, и сопротивление, и насильственное подчинение, и русификация. И все же встреча с русской цивилизацией оказывала огромное положительное влияние на проживающие в Сибири народы» (С. 200). С этим нельзя не согласиться. Правда, с оговоркой, что это можно сказать о многих колониальных захватах, поскольку речь идет о воздействии более высокой культуры на менее развитую.

¹¹ См.: Андреев И.Л., Фёдоров И.Н., Амосова И.В.

¹² Кстати, если упомянуть о поляках, то обращает на себя внимание и фраза в учебнике издательства «Просвещение»: «Украинскому населению запрещалось говорить на родном языке» (С. 68). Польские феодалы, конечно, угнетали украинский и белорусский народы, но такого запрета никогда не было. Очевидно, авторы просто сочинили его как наиболее простую и понятную для детей форму дискриминации.

Авторы учебника продолжают свою мысль: «Если власть выступала как эксплуататор коренных жителей, то переселенцы, которые пришли в Сибирь жить и работать, обычно старались избегать конфликтов» (Там же). И это, в общем, правда, хотя известны и прямо противоположные случаи. Например, казаки-переселенцы на Камчатке просто поработили местное население, превратив его в своих холопов. Можно, впрочем, понять, что для учебника такие факты не подходят: у нас принято жестко критиковать в учебной литературе иноземных конкистадоров и колонизаторов, но отнюдь не отечественных.

К учебнику издательства «Русское слово» несколько больше замечаний. Параграф, посвященный землепроходцам, называется «Начало освоения Сибири», хотя всё его содержание состоит из описания военных действий. Авторы, в отличие от дореволюционных историков, боятся таких слов, как «завоевание», «покорение» и даже «присоединение». Вывод же бравурно оптимистический: «Самое главное, что ни один из народов Сибири не был стерт с лица земли, как это случилось, например, во время завоевания европейцами Американского континента. В правовом отношении они не были ущемлены по сравнению с другими народами России, в т.ч. русскими» (С. 176).

Думается, ни первое, ни второе утверждения не могут быть приняты как абсолютная истина. Да, народы Сибири не были истреблены физически, но ряд из них подвергся ассимиляции, утратив язык, культуру и этнические особенности. Нельзя говорить и о полном их равноправии с народами европейской России. Нигде, кроме Сибири, не существовала система заложников-аманатов, ответственных за выполнение повинностей, причем обращались с аманатами порой настолько плохо, что те просто погибали от голода. Поэтому вывод авторов учебника представляет собой, как нам кажется, приукрашивание суровой действительности XVII столетия.

Все учебники в соответствии с «духом времени» делают какие-то реверансы в адрес церкви. Именно реверансы, потому что отпускаемые комплименты обычно не обосновываются фактическим материалом. И если учебники советской эпохи писали о церкви прежде всего как о крупном феодале-землевладельце, то современная учебная литература идет (хотя, похоже, не очень уверенно) по пути ее идеализации.

Учебник издательства «Просвещение», например, поместил раздел «Православие в повседневной жизни русского народа», но все страницы посвятил только образам, ничего не сказав о нравственном влиянии веры (С. 105–107). Учебник издательства «Русское слово», не приводя никаких примеров, провозглашает: «Неизменно представители Церкви выступали в роли защитников от произвола властей» (С. 47).

Учебник же издательства «Дрофа» включил в параграф «Русская культура в XVI в.» несоответствующий текст источника разбор «Повести о Петре и Февронии».

Учебник утверждает, что простая крестьянка «полюбила князя Петра», превозносит ее «мудрость, благородство и нравственную чистоту» (С. 65). Но в повести ничего не

говорится о любви знахарки Февронии к князю. Тема земной любви вообще отсутствует в допетровской литературе и фольклорном творчестве (за исключением протяжных песен). Повесть сообщает о том, что знахарка, получившая свой дар от Бога, захотела стать княгиней и добилась этого путем шантажа (дважды требовала вступления в брак в качестве платы за лечение, причем в первый раз недолечила князя, догадываясь, что тот может обмануть). Подобное поведение даже по нормам средневековой морали могли понимать как образец хитрости и сметливости, но отнюдь не благородства и нравственной чистоты. Смысл же повести (едва ли привлекательный для подавляющего большинства современной молодежи) – в подчеркивании превосходства небесной любви: она кончается тем, что муж и жена постригаются в монахи и умирают в один день.

Несложно понять, что извращенное толкование этого литературного произведения в учебнике дается для того, чтобы укрепить значение (пока что совсем непопулярного) дня Петра и Февронии, противопоставляемого РПЦ и наиболее консервативной частью политической элиты якобы чуждому православным традициям дню Святого Валентина.

В заключение, говоря об учебниках для 7-го класса, нельзя не отметить разногласия в вопросе о земских соборах.

Учебник издательства «Просвещение» утверждает: «Последний Земский собор был созван в 1684 г.» (С. 39). С ним согласны авторы «Русского Слова», в учебнике которого читаешь: «Земские соборы созывались нерегулярно, но все же часто, вплоть до 1680-х годов» (С. 18). Однако учебник издательства «Дрофа» с ними не соглашается, заявляя, что последний земский собор «был созван и заседал в 1653 г.» (С. 139).

Вероятно, правильнее было бы согласиться с этим учебником, т.к. после 1653 г. земские соборы как собрания дворянства и посадка более не собирались. Изредка созывались только для совещания по отдельным вопросам комиссии из отдельных представителей служилых людей или купечества (некоторые историки считают их неполными соборами).

Учебники для 8 класса

К учебникам для 8-го класса претензии снова возрастают. Эти пособия посвящены событиям XVIII в.: естественно, что «славные дела Петра» и последующих правителей занимают в таковых немалое место.

Учебник издательства «Просвещение»¹³, как и прежде, поддерживает «патриотический дух» с помощью восторженных восклицаний и преувеличений. Например, рассказ о том, как при Гангуте петровский флот разгромил «большую шведскую эскадру» (кстати, не такую уж большую), сопровождается комментарием: «Европа была поражена, как громом, первой крупной морской победой молодого русского флота» (Ч. 1. С. 31). Никаких примеров подтверждающих «поражение как громом Европы», не приводится.

¹³ Арсентьев Н.М., Данилов А.А., Курукин И.В. История России. 8 класс. В 2 ч. – М.: Просвещение, 2016.
Arseniev, N.M., Danilov, A.A., Kurukin, I.V. History of Russia. Class 8th. In 2 p. Moscow, Prosvetshtschenie, 2016.

Учебник издательства «Дрофа»¹⁴ высказывается по этому поводу более сдержанно: «Победа при Гангуте не могла привести к изменению соотношения сил на Балтике. Потери, понесенные королевским флотом, нельзя признать критическими. Но Петр I придавал сражению огромное значение. Это была первая победа русского флота, которая для царя оказалась почти равнозначной победе под Полтавой» (С. 29).

Столь же восторженно рассказывается о битве при Цорндорфе (Семилетняя война) в учебнике от «Просвещение»: «В августе 1758 г. русские войска, несмотря на бегство с поля боя своего командующего Фермора, не только устояли под натиском прусской армии во главе с Фридрихом II под деревней Цорндорф, но и вынудили ее к спешному отступлению» (Ч. 1 С. 100). На самом деле русская армия по приказу командующего отступила первой, что дало основание Фридриху объявить о своей победе. Более точно об этих событиях высказывается учебник издательства «Русское Слово»¹⁵: «битва не принесла видимого успеха ни одной из сторон» (С. 29).

Столь же бурный восторг декларирует учебник издательства «Просвещение» и по некоторым другим вопросам. В параграфе «Внешняя политика Екатерины II» учебник, в частности, утверждает: «Русский флот бороздил теперь просторы не только прибрежных морей, но и Средиземного моря, Тихого и Атлантического океанов, поддерживая силой своих орудий внешнюю политику России в Европе, Азии и Америке» (С. 47). Но в Атлантический океан русский флот заплывал только по пути из Балтийского моря в Средиземное во время Русско-турецкой войны, а в Тихом океане русского военного флота при Екатерине II вообще не имелось: были только отдельные небольшие суда, причем паруса, канаты и якоря для них приходилось везти из Европейской России, разрезав на куски.

Таким же преувеличением представляется и утверждение про механика Кулибина, который «изобрел многие вещи, значительно опередившие свое время» (С. 84). Конечно, Кулибин был талантливым изобретателем-самоучкой, но его изобретения эпоху «значительно» не опережали. По крайней мере, о перечисленных в учебнике такое сказать нельзя («уникальный микроскоп, модель моста через Неву, семафорный телеграф, прототип прожектора»).

Впрочем, и учебник издательства «Дрофа» склонен порой к гиперболизации. Так, о победе Суворова над турками он сообщает: «Падение Измаила 11 декабря 1790 г. произвело ошеломляющее впечатление на всю (!) Европу» (С. 147). Откуда такие сведения? То, что турки не являются непобедимыми, в Европе знали

¹⁴ Андреев И.Л., Ляшенко Л.М., Амосова И.В., Арташов И.А., Фёдоров И.Н. История России: конец XVII – XVIII в. 8 класс. – М.: Дрофа, 2016.
Andreev, I.L., Lyashenko, L.M., Amosova, I.V., Artasov, I.A., Fedorov, I.N. History of Russia: the end of 17th – 18th centuries. Class 8th. Moscow: Drofa, 2016.

¹⁵ Захаров В.Н., Пчелов, Е.В. История России. XVIII век. 8 класс. – М.: Русское слово, 2015.
Zakharov V.N., Pchelov E.V. History of Russia. 18th century. Class 8th. Russkoe slovo, 2015.

со времен битвы при Лепанто (1571 г.). То, что сильные турецкие крепости неоднократно захватывались врагами (тот же Измаил был занят корпусом Репнина еще во время прежней Русско-турецкой войны), тоже было хорошо известно. Кстати, рассуждая об этой войне, учебник совершенно неожиданно объясняет ученикам: «По расчетам Запада, поддерживавшего турок, война ослабит влияние России в Европе» (С. 143). Прямо скажем, таких пояснений на уровне примитивной конспирологии даже авторы советских пособий старались избегать. Никакого единого «Запада, поддерживавшего турок» в XVIII в. не было и быть не могло: Европа представляла собой конгломерат больших и маленьких государств, каждое из которых имело свои ориентации в сфере внешней политики.

В более осторожной форме такое противопоставление России Западу можно встретить и в других местах. Учебник издательства «Русское Слово», например, заявляет: «Могущество Российской империи создавалось вовсе не за счет эксплуатации колоний (как у других европейских держав), а за счет мобилизации средств и ресурсов на основной территории страны» (С. 141).

Интересно, какие именно «европейские державы» здесь имеются в виду? Крупнейшая в то время колониальная держава Испания пребывала в состоянии упадка. Англия создавала свое могущество не столько за счет колоний (в XVIII в. не особо обширных), сколько за счет успехов в промышленности, которые позволили ей стать «мастерской мира». Колониальные владения Франции были совсем невелики и особых доходов не приносили. Ну, а говорить о колониальных владениях Пруссии, Австрии, Дании, Швеции и др. и вовсе не приходится.

Зато что касается России, то ее колонией (в экономическом смысле) была Сибирь, которая давала благодаря своей пушнине значительную часть доходов казны (хотя после Петра I роль такого ресурса как «мягкая рухлядь» сократилась), немалые доходы приносила и Русская Америка.

И совсем уж ненаучно придумывать какие-то причины для войн, которые вела Российская империя, чтобы представить ее обороняющейся стороной. В частности, учебник издательства «Просвещение» говорит о начале Семилетней войны: «Россия участвовала в этом союзе с целью уберечь от Пруссии свои прибалтийские приобретения, которыми мечтал завладеть прусский король» (Ч. 1. С. 99). И откуда такое известно? В каких документах и свидетельствах отражены подобные планы или намерения Фридриха? Думается, ни в каких, потому что захватить прибалтийские губернии Пруссии было бы весьма проблематично уже по причине отсутствия общей границы с Россией.

Учебник издательства «Дрофа» пишет об этом осторожнее: «Елизавета давно с большим неудовольствием следила за действиями прусского короля. Когда же тот внезапно напал на Саксонию и разбил ее, выбор был сделан окончательно: Россия присоединилась к франко-австрийскому союзу и таким образом вступила в Семилетнюю войну» (С. 103). В учебнике издательства «Русское слово» говорится еще определеннее:

«Россия не стремилась в этой войне к захвату каких-либо территорий, не оборонялась от нападения, но ее участие в войне в течение 1757–1762 гг. было отнюдь не случайным. Как одна из великих держав, Россия была заинтересована в сохранении стабильности на европейском континенте, выступая против агрессивных устремлений кого бы то ни было» (С. 74). Всё, в общем, верно, хотя можно было сказать короче: Россия вступила в войну, потому что ее правящие круги опасались усиления Пруссии.

Иногда бывает, что учебники не допускают прямых выдумок, но и не говорят всей правды. Например, в учебнике издательства «Русское слово» в вопросе о разделах Польши читаем: «Но Россия не получила коренных польских земель. В результате трех разделов Речи Посполитой произошло воссоединение в едином Российском государстве западнорусских земель, прежде входивших в состав Древней Руси» (С. 135). Вроде бы так, да не совсем. Ведь помимо западнорусских земель Российская империя присоединила Латгалию, Курляндию и Литву, которые населены были вовсе не православным славянским людом и никогда в состав Руси не входили (да и в современную РФ не входят). Подобные оговорки не позволяют ученику представить полную картину важного исторического события.

Особо следовало бы отметить *фактологические ошибки*, встречающиеся во всех учебниках.

Учебник издательства «Русское слово» утверждает, например, в разделе, посвященном Петру I: «Долгое время деяния великого преобразователя получали лишь положительную оценку. Лишь более века спустя, в 40-х гг. XIX в., в российском обществе стали распространяться и иные убеждения: что Петр силой свернул Россию с ее исторического пути, насадил чуждые и вредные западные обычаи» (С. 32). Авторы, очевидно, не знают, что впервые такие взгляды высказал в начале XIX столетия Н.М. Карамзин, весьма жестко оценивший деятельность Петра в «Записке о древней и новой России». Именно на оценках Карамзина славянофилы впоследствии во многом сформировали свою позицию.

В том же учебнике явная ошибка допущена в рассказе о Суворове: указано, что он умер в 1799г. вместо 1800 (С. 128). Несколькими ошибками встречается в учебнике издательства «Дрофа». Его авторы, рассказывая о Полтавской битве, сообщают, что «русские обладали огромным превосходством в артиллерии – 72 орудия против 32 у шведов» (С. 24). Следует уточнить, что превосходство было более огромным: армия Петра I, согласно последним исследованиям, имела 302 орудия¹⁶, тогда как у шведов из-за отсутствия пороха участвовали в сражении только 4 пушки.

Дважды учебник делает ошибки в параграфе «Пугачевское восстание». Сначала там читается: «Симпатизировали восставшим и многие священнослужители захваченных районов вплоть до архимандритов и архиереев» (С. 127). Здесь авторы некритически переписали фразу из «Истории Пугачёва» А.С. Пушкина. Последний допустил такое преувеличение, рассказывая об осуждении за молебн в честь «императора Петра III» саранского архимандрита Александра. Но ни одного примера сочувствия

¹⁶ См.: Кротов П.О. Битва при Полтаве. – СПб., 2009.
See: Krotov, P.O. The battle of Poltava. Saint Petersburg, 2009.

Пугачёву со стороны других настоятелей монастырей и, тем более, епископов и митрополитов, историки не знают. Затем усмирителя Пугачёва премьер-майора Михельсона произвольно повысили в чине, назвав генералом (С. 126), хотя он даже в полковники был произведен только после разгрома восставших.

Нельзя согласиться и с утверждением, что «уже в 1791 г., негодуя на террор революционеров, императрица попыталась создать антифранцузскую коалицию, включив в нее Швецию и Пруссию» (С. 155). В 1791 г. никакого революционного террора во Франции не могло быть (у власти находилось умеренное правительство фельянов): начался таковой только после свержения короля в 1792 г.¹⁷

Больше всего ошибок и внутренних противоречий встречается в учебнике издательства «Просвещение». Некоторые из таковых просто поразительны.

Так, авторы допускают следующее высказывание: «При Петре I были построены Волго-Донской, Ладожский, Вышневолоцкий каналы, канал Москва-Волга» (Ч. 1. С. 44). Тут всё не верно: при Петре был построен только Вышневолоцкий (а не выдуманный *Вышневолоцкий*) канал и начат обходный Ладожский (достроен при Анне Иоанновне). Каналы же Волго-Донской и Москва-Волга появились уже в советскую эпоху!

О смерти Петра I сообщается: «Пётр I умер внезапно в январе 1725 г., простудившись при спасении моряков во время наводнения. Обострение болезни было таким стремительным, что царь даже не успел назначить наследника» (Ч. 1. С. 84). Еще в советскую эпоху историк Н.И. Павленко убедительно доказал, что история о спасении моряков является позднейшей легендой и с тех пор в серьезных трудах она не упоминается. Что же касается отсутствия назначенного наследника, это объясняется не стремительностью болезни (она как раз длилась долго), но, вероятнее всего, тем, что царь-реформатор не видел в своем окружении достойного преемника.

Явным преувеличением представляется такое утверждение: «Конечно, помещик не имел права убить своего крепостного, но это не помешало помещице Московского уезда Салтыковой (прозванной Салтычихой) замучить до ста крепостных, т.к. за это на нее могло быть наложено лишь церковное покаяние» (Ч. 2. С. 26). Салтычиха, как известно, была приговорена к пожизненному заключению в монастырской тюрьме и приговор оказался исполнен. Да и прочие помещики, если суд признавал их виновными в аналогичных поступках, отправлялись в ссылку (от каторги дворяне, обвиняемые в уголовных преступлениях, обычно освобождались). Иное дело, довести такое обвинение до суда было очень сложно, т.к. деньги и связи преступников чаще всего помогали уйти от ответственности (крестьяне, пытавшиеся жаловаться на Салтычиху, неоднократно возвращались полицией владелице на расправу, и только жалоба, переданная в руки самой Екатерине II возымела последствия).

Кстати, рассказывая о помещиках и крестьянах, учебник противоречит сам себе. В одном месте утверждает, что в 1763–1796 гг. (т.е. при Екатерине) дворянам были пожалованы 425 тыс. душ, а в 1797–1801 гг. (т.е. при Павле) – 300 тыс. (Ч. 2. С. 20). А через несколько десятков страниц вдруг называются другие цифры: 800 тыс. крепостных розданы дворянам за 34 года правления Екатерины II и 600 тыс. – при Павле I (Ч. 2. С. 61).

Не менее разительное противоречие встречаешь и в другом месте. Сначала в учебнике читаешь: «После того, как войска Китая разгромили монгольское Джунгарское ханство, Коллегия иностранных дел в 1756 г. повелела сибирским властям принять под защиту русских крепостей ойратов и алтайцев» (Ч. 2. С. 102). Но вслед за тем ученик приводит другой факт: «Весной 1771 г. калмыцкий хан, недовольный усиливающимся гнетом со стороны царского правительства, принял решение покинуть Россию и стать подданным Джунгарского ханства» (Ч. 2. С. 103), которое, согласно тому же учебнику, было разгромлено за 15 лет до ухода калмыков! Тут чувствуются серьезные недоработки не только авторов, но и редакторов с рецензентами.

Окончание следует

¹⁷ Хотелось бы указать на небольшую ошибку (возможно, опечатку) во фразе, что четыре тома «Истории» В.Н. Татищева вышли в 1768–1774 гг. (С. 175). Правильнее будет 1768–1784 гг.